

О.И. Киянская

**ДЕКАБРИСТЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
И ИСТОРИОГРАФИИ: ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ**

Аннотация. В статье речь идет о движении декабристов в истории России и, в частности, в истории отечественного революционного движения. Феномен декабризма рассматривается и как совокупность исторических фактов, и как миф, сложившийся в сознании оппонировавшей власти отечественной интеллигенции. Предпринимается попытка дать ответ на вопрос, насколько значительным был вклад декабристов в историческое развитие России, или речь идет в данном случае о прочно укоренившейся его мифической составляющей.

Ключевые слова: движение декабристов, российская история, историография, А.Н. Пыпин, М.В. Нечкина, Ю.М. Лотман, П.И. Пестель, Д.Н. Блудов, В.И. Ленин.

Киянская Оксана Ивановна – доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ); ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва. E-mail: kianoks@inbox.ru

O.I. Kiyanskaya. The Decembrists in Russian History and Historiography: Polemical Notes

Abstract. This article is about the place of the Decembrists movement in Russian history and in particular in history of Russian revolutionary movement. The phenomenon of the Decembrists is examined not only as the historical fact, but as the myth formed in minds of Russian intellectuals opposite to authority. The article states that the role of the Decembrists in the historical development of Russia was rather insufficient. Though the myth of the Decembrists will live long.

Keywords: movement of the Decembrists, the history of Russia, historiography, A.N. Pypin, M.V. Neshkina, Yu.M. Lotman, P.I. Pestel, D.N. Bludov, V.I. Lenin.

Kiyanskaya Oksana Ivanovna – Doctor of History, Professor, Russian State University for the Humanities (RGGU); Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow. E-mail: kianoks@inbox.ru

2017 год – год, богатый на всякого рода юбилейные даты. Главной из них, безусловно, является 100-летие Октябрьской революции. Но, вспоминая российских большевиков-революционеров, нельзя не вспомнить и тех, кого они называли своими предшественниками. Декабристы в общественном сознании никогда не были «спокойной», академической темой. О том, кто они такие, чего они хотели, каково их место в истории России, споры не прекращаются. Спорят и историки, и публицисты, и официальные лица. Цель данной статьи – представить собственные размышления о движении декабристов как об историческом и историографическом феномене.

Я думаю, что профессиональный историк (или тот, кто берет на себя труд оценивать исторические события) способен, отталкиваясь от анализа источников, адекватно описывать лишь свое время. Нашим современникам – людям XXI в. – трудно, почти невозможно представить себя на месте людей двухвековой давности начала XIX в. Исторические исследования гораздо больше говорят о личности их авторов, чем о тех, о ком эти исследования написаны.

Здесь можно привести несколько ярких примеров. Одним из основоположников «классического» декабристоведения был А.Н. Пыпин, автор книги «Общественное движение в России при Александре I». Он был убежден, что в деятельности декабристов «заговора никакого не было, потому что вся деятельность общества состояла в... беседах, которые сами по себе были новы и на первое время поглощали собой это возбуждение умов. Притом общество, размножась, вовсе не представляло какого-либо тесно связанного целого, и прежние кружки более близких друг другу людей сохранялись и теперь».

Пыпин считал ошибочным «выводить» заключение о движении декабристов из событий на Сенатской площади. «Прежде всего, эти события не были планом, издавна решенным и обдуманым. Напротив, в них было чрезвычайно много случайного и минутного», – утверждал он [17, с. 405, 406, 489].

На первый взгляд такое заявление удивительно: 14 декабря 1825 г. было попыткой руководителей тайного общества силой захватить власть в России. Идея восстания пришла в голову руководителям восстания не накануне событий; они шли к этому почти десять лет. И если голоса о необходимости сотрудничества с правительством, помощи ему и звучали на собраниях деятелей тайных обществ, то на тех же собраниях раздавались и голоса о неизбежном военном перевороте, силовом установлении республики и царевубийстве.

Книгу эту Пыпин впервые опубликовал в 1871 г. Двоюродный брат Н.Г. Чернышевского, университетский профессор, публицист, участник некрасовского «Современника», он не был готов с оружием в руках выступать против самодержавия – но, конечно, был горячим сторонником реформ Александра II. Отсюда и декабристы у него – реформаторы. И эпоху 1820-х годов он уподоблял той эпохе, в которой жил.

Собственно, Пыпин и не скрывал этого, утверждая в 1885 г. в предисловии ко второму изданию: «Точка зрения моей книги была историческое сравнение – времен, характеров и общественных положений: это сравнение невольно приводит к иным впечатлениям, чем просто безотносительное наблюдение» [17, с. 8].

Другой показательный пример – М.В. Нечкина, чей вклад в декабристоведение едва ли не больше вклада Пыпина. Она ввела в научный оборот огромное количество новых источников, но при всем том мыслила всегда исключительно в традиционных рамках советской модели. Ее декабристы из знаменитого двухтомника «Движение декабристов» безусловно «первые русские революционеры, выступившие с оружием в руках против самодержавия и крепостного права в декабре 1825 г.» [16, с. 8].

Нечкина конструирует движение декабристов, исходя из современной ей политической реальности. Поскольку декабристы – предтечи большевиков, то их конспиративная деятельность протекает в формах, характерных для большевистской партии. Время члены тайных обществ проводят почти исключительно в съездах и совещаниях, на которых голосованием решаются важные для жизни тайных обществ вопросы. При этом понятие *съезд*, не имевшее в начале XIX в. политического содержания, она толкует вполне в соответствии со съездами Коммунистической партии. Съезды у декабристов начинаются с выборов председательствующего и выработки повестки дня, участники съездов голосуют за те или иные постановления, решения съезда обязательны к исполнению и т.п. [16, с. 319–332]. Она бескомпромиссно поддерживает республиканские и царевбийственные идеи, обсуждавшиеся в тайных обществах.

Последующие поколения отечественных ученых (1960–1970-е годы), изучавших декабристов, уже не было столь категоричным в отстаивании декабристской «революционности». Например, для Ю.М. Лотмана декабристы – это те, кто создал «особый тип русского человека», «по своему поведению резко отличавшегося от того, что знала вся предшествующая русская история». По мнению исследователя, декабристы «строили из бессознательной стихии бытового поведения русского дворянина рубежа XVIII–XIX веков сознательную систему идеологически значимого бытового поведения, законченного как текст и проникнутого высшим смыслом» [12, с. 331, 381].

Для Лотмана, писавшего статью «Декабрист в повседневной жизни» в середине 1970-х годов, было важно выработать особый кодекс поведения человека в эпоху брежневского застоя. Кодекс, который, с одной стороны, не делал бы человека изгоем в обществе, а с другой – позволил бы отделить свой внутренний мир от существующей власти, сохранить в советское время чувство собственного достоинства. Схожие идеи можно видеть и в работах Н.Я. Эйдельмана.

Каждое поколение историков, отказываясь от трактовок прошлых лет, заново открывает «своих» декабристов. Не составляют исключения и историки сегодняшнего дня: новая эпоха предъявляет к прошлому свои требования. И цель данной статьи – описать декабристов такими, какими они видятся мне после почти 25-летнего изучения этого феномена. При этом представленная точка зрения – это всего лишь попытка описать сегодняшний день в категориях дня позавчерашнего.

* * *

Схему развития декабристских организаций мы знаем со школьной скамьи. В феврале 1816 г. шестеро молодых офицеров, связанных между собой родством и боевым товариществом, создали Союз спасения – первую тайную организацию. Сначала члены общества хотели «противодействовать» иностранцам на русской службе, однако вскоре цель сменилась. Молодые заговорщики начали мечтать о максимально широко понятом «благе России». В чем конкретно заключается это благо, участники Союза спасения еще не знали; в их среде рождались всякого рода фантастические проекты – вплоть до убийства императора.

В январе 1818 г. на развале первой организации возникла вторая – Союз благоденствия. Новый Союз был многочисленным: в нем состояли уже несколько сотен человек. Общей целью было – помогать правительству в его прогрессивных начинаниях. Однако группа радикалов во главе с П.И. Пестелем с этой позицией спорила и постоянно инициировала обсуждение вопросов об изменении государственного строя. В январе 1821 г. на Московском съезде Союз благоденствия был распущен. Не согласившись с этим, Пестель в марте того же года создал Южное общество. Центр его находился в городе Тульчине, в армейском штабе, где служил сам Пестель. Он же написал и программный документ общества – «Русскую Правду». Будучи убежденным республиканцем и сторонником цареубийства, Пестель заставил своих сторонников формально голосовать за эти требования. В конце 1823 г. организационно оформилась новая тайная организация в столице – Северное общество. Ее участники были сторонниками конституционной монархии; эта же идея лежит в основе программного документа северян – «Конституции» Н.М. Муравьева. Осенью 1825 г. в состав Южного общества вошло Общество соединенных славян.

14 декабря 1825 г. силами Северного общества было организовано восстание на Сенатской площади, окончившееся провалом. В ночь с 28 на 29 декабря того же года началось восстание Черниговского пехотного полка, инициированное членами Южного общества, однако 3 января 1826 г. оно было подавлено.

Однако эта умозрительная схема – всего лишь результат работы правительственного публициста Д.Н. Блудова, автора «Донесения Следственной комиссии», обобщившего показания декабристов на следствии [5]. Историки в своих штудиях опираются на показания участников заговора, полагая, что в основе своей они правдивы. Это, конечно же, не так. Никому из ученых не придет в голову изучать деятельность, к примеру, Н.И. Бухарина на основании его следственного дела. Тогда почему же сведения, содержащиеся в следственных делах декабристов, должны считаться правдивыми? Показания, данные в ходе политизированного следствия, инициированного государственной властью, не могут быть правдивыми по определению.

* * *

Правительственные войска 14 декабря 1825 г. подавили восстание в Петербурге. Молодой император, начавший следствие, уже знал, что восстание – дело рук заговорщиков. Но в каких формах существовал заговор и что хотели его участники – еще предстояло выяснить.

От первых арестованных многого добиться не удалось: большинство из них показывало, что цель восстания на Сенатской площади состояла в защите интересов «законного» императора Константина I. Как известно, после смерти Александра I империя присягнула Константину, а официальные документы об его отречении от престола опубликованы не были. И первые показания о восстании «во имя» Константина логичны и непротиворечивы.

Заговорщики утверждали, что были готовы «пролить последнюю каплю крови за императора Константина», что «присягнув раз», не могли нарушить присягу «без личного повеления» Константина, что действовали во имя «удержания на престоле великого князя Константина Павловича» и собирались просить у Константина «личного и словесного отречения» [28, с. 417; 24, с. 224; 21, с. 480; 20, с. 427].

Первая попытка объяснить связь между тайными обществами и военным мятежом в столице принадлежала князю С.П. Трубецкому, несостоявшемуся диктатору восстания, арестованному в ночь на 15 декабря. По его мнению, тайные общества возникли в России с благородной целью помощи правительству. Главным тайным обществом был, естественно, Союз благоденствия.

К этой концепции Трубецкой добавил целый ряд подробностей, в частности о том, что на пути к благородным целям тайного общества стоял не желавший помогать правительству злодей – Пестель, злой и жестокий человек, мечтавший только о личной диктаторской власти. «Он обрекал смерти всю высочайшую фамилию... Он надеялся, что государь император не в продолжительном времени будет делать смотр армии, в то же время надеялся на

поляков в Варшаве, и хотелось ему уговорить тож исполнить и здесь», – утверждал князь.

И деятельность Северного общества, и собственное участие в подготовке Сенатской площади князь объяснял стремлением «остановить Пестеля»: «Я имел все право ужаснуться сего человека <...> Мне казалось достаточною та уверенность, что он без содействия здешняго общества ничего предпринять не может, а здесь я уверен был, что всегда могу все остановить – уверенность, которая меня теперь погубила» [27, с. 27–28].

Конечно, этим показаниям верить нельзя. Отношения Пестеля и Трубецкого были плохими во все периоды существования тайных обществ начиная еще с Союза спасения. Обвиняя Пестеля, князь выгораживал себя. Кроме того, он стремился отвести подозрения от своего друга С.И. Муравьева-Апостола, поскольку надеялся, что тому удастся осуществить восстание и вызволить его из тюрьмы [4].

Естественно, следствие Трубецкому не поверило: его концепция не вошла в «Донесение Следственной комиссии». Однако к Пестелю, не принимавшему участия в восстании, арестованному на юге 13 декабря 1825 г. и доставленному в столицу 3 января 1826 г., и у следователей, и у императора было много вопросов.

Сразу же по приезде в столицу Пестель был допрошен императором и согласился давать признательные показания. На допросе 4 января он подробно рассказал о тайных обществах и их планах. «Первоначальное намерение общества было освобождение крестьян, способ достижения сего – убедить дворянство сему содействовать, и от всего сословия нижайше об оном просить императора». Поздние общества хотели «введения в государство конституции» [25, с. 79, 81]. Достичь же этого предполагалось с помощью военной силы. Кроме того, он – в общих чертах – и дал следствию схему развития заговора, которой историки пользуются до сих пор.

На следствии руководитель Южного общества рассказал и о собственных политических взглядах, и о «Русской Правде», и в итоге – о собственных цареубийственных планах. В его изложении антиправительственное движение выглядело чисто идеологическим, сводилось к спорам о будущем России и о возможных путях достижения этого будущего.

Концепция Пестеля вполне устроила следствие. Она позволила, с одной стороны, свести заговор декабристов к «забавам взрослых шалунов», к безобидной болтовне о формах правления. С другой стороны, разделение заговорщиков по степени участия в обсуждении цареубийства оправдало в глазах общества смертные приговоры. Восстания же в Петербурге и на юге выглядят в этой концепции случайностью, спровоцированной смертью Александра I.

Вопросы подследственным уже с января 1826 г. задавались в рамках этой концепции. Любая их попытка по-другому описать заговор пресекалась. Так, не привлекло внимание следствия письмо к императору М.П. Бестужева-Рюмина. В письме заговорщик просил аудиенции, чтобы рассказать, в частности, «об организации выступления, о разных мнениях общества, о средствах, которые оно имело в руках... о Польше, Малороссии, Курляндии, Финляндии» [22, с. 42–43].

Именно концепция Пестеля легла в основу «Донесения Следственной комиссии». И хотя – по устоявшейся традиции – почти в каждом исследовании «Донесение» критикуется, нельзя не отметить, что именно оно до сих пор изучается в школе. Вслед за Пестелем и Блудовым и современники, и историки повторяли и повторяют и канву событий, и тезис об идеологическом характере движения декабристов. Разговоры о возможном царевубийстве, описанию которых много места отдал Блудов, стали в глазах советских историков безусловным свидетельством «революционности» декабристов.

* * *

Естественно, на современном этапе развития декабристovedения возникла необходимость по-новому осмыслить феномен декабризма.

Тайные декабристские организации – и в этом безусловно прав Пыпин – не были в русской истории явлением исключительным. Они – часть общественного движения Александровской эпохи. Исследователь В.М. Бокова насчитала в России первой трети XIX в. около двух сотен тайных общественных объединений [2, с. 624–628]. Число это станет намного больше, если к тайным обществам добавить масонские ложи, которые, конечно, тоже были организациями нелегальными. На заседаниях многих такого рода организаций – не только тех, которые известны нам как «декабристские» – звучали разговоры о необходимости проведения в России политических реформ. Вполне в русле конституционных исканий эпохи были и проекты декабристов – «Русская Правда» Пестеля и тем более «Конституция» Н.М. Муравьева.

И, конечно же, из заседаний тайных обществ – и в этом опять-таки правы и Блудов, и Пыпин – вооруженные восстания никак не вытекали.

Однако большинство участников восстаний были офицерами, многие из лидеров заговора к тому же прошли войну и заграничные походы. И они, конечно, прекрасно понимали, что разговорами о «благе отечества» сменить власть невозможно. Анализ армейских документов 1820-х годов позволил сделать вывод о том, что лидеры движения – и прежде всего Пестель – занимались реальной подготовкой к военному перевороту в России. Армейский заговор, в котором действовали как те, кто состоял в тайных обществах, так и те, кто формально в них не участвовал, был вполне серьезным. Он строился

не вокруг тайных обществ, а вокруг популярных в армии генералов П.Х. Витгенштейна, П.Д. Киселева, А.Г. Щербатова и некоторых других. В заговор были вовлечены многие чиновники интендантской и квартирмейстерской служб Русской армии. Для подготовки военного переворота его лидеры использовали не только свое служебное положение, но и подкуп и шантаж.

Именно следствием деятельности этого заговора стали обе попытки произвести революцию в России [6; 7, с. 15–97, 243–319]. Однако полная картина этого армейского заговора осталась неизвестной следователям – собственно, они и не ставили своей целью докопаться до истины. Им совершенно не нужно было показывать в России, и Западу, что Российская армия, традиционная опора трона, плохо управляема, коррумпирована и настроена против власти.

* * *

Пожалуй, главный вопрос, с которым сталкивается всякий, изучающий историю 1820-х годов, – это вопрос о причинах, заставивших декабристов составить военный заговор. С точки зрения обычной житейской логики их поведение выглядит довольно глупо. Молодые дворяне, прошедшие войну, могли сделать хорошие карьеры, достичь высокого общественного статуса, жить счастливой семейной жизнью – но выбрали путь маргиналов-революционеров, приведший их на виселицу, на каторгу и в ссылку.

Вопросом о том, зачем тем, кто пошел в декабристы, нужна была революция, задавались и проницательные современники. Так, практически одинаково отреагировали на восстание престарелый граф Ф.В. Ростопчин и ровесник декабристов князь П.А. Вяземский. Сравнивая русских революционеров с теми, кто в конце XVIII в. делал революцию во Франции, они недоумевали: там «повара хотели попасть в князья», «сапожники и тряпичники хотели сделаться графами и князьями». В России же произошло обратное: графы и князья вдруг решили «попасть в повара», стать «тряпичниками и сапожниками» [11]. В поэтических строках этот странный, не поддающийся объяснению с точки зрения бытовой логики парадокс описал поэт Н.А. Некрасов: «В Европе сапожник, чтоб барином стать, / Бунтует, – понятное дело! / У нас революцию сделала знать: / В сапожники, что ль, захотела?..» [14, с. 165].

При всей саркастичности подобных формулировок в них есть доля истины: действительно, часть молодых российских дворян решила уравнять себя в правах с податными российскими сословиями. Но вовсе не потому, что декабристы любили простой народ или крепостных крестьян. Для того чтобы, например, проявить свою любовь к крепостным, им не надо было организовывать заговор. Стоило только воспользоваться принятым еще в 1803 г.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

указом Александра I о вольных хлебопашцах – и отпустить на волю собственных крепостных. Однако никто из заговорщиков этим указом не воспользовался.

Пытаясь объяснить свое участие в заговоре, декабрист Г.С. Батеньков утверждал, что ему всегда хотелось быть «политиком». Возможность осуществить свою мечту он обрел в заговоре: «Тайное общество наше отнюдь не было крамольным, но политическим» [19, с. 93, 90]. Быть политиком – это значит иметь возможность определять политическое развитие страны, принимать участие в выработке важнейших решений, проводить реформы.

Однако в условиях абсолютной монархии, какой была Россия в XIX в., политикой имеет возможность заниматься только один человек – царь. Придворные с большим или меньшим успехом могут лишь плести интриги. А те, кто находится ниже по сословной лестнице, лишены и этой возможности. Стать политиком в монархическом сословном государстве невозможно.

Единственная возможность для человека определять судьбы страны – сломать сословную систему, добиться того, чтобы российское общество стало обществом равных возможностей. «В отношении дворянства вопрос о реформе ставится так: что лучше – быть свободным вместе со всеми или быть привилегированным рабом при неограниченной и бесконтрольной власти?» – утверждал декабрист Н.И. Тургенев. Он считал, что «истинное благородство – это свобода; его получают только вместе с равенством – равенством благородства, а не низости, равенством, облагораживающим всех» [31, с. 385].

Собственно, декабристы боролись прежде всего за равенство всех перед законом. Именно из этого требования вытекала необходимость отмены крепостного права и абсолютной монархии. И ради победы в этой борьбе они готовы были рисковать и свободой, и жизнью.

Однако обе попытки декабристов взять власть оказались неудачными. Причины этой неудачи – если, конечно, не сводить их к отсутствию в России в начале XIX в. пролетариата – тоже нуждаются в тщательном осмыслении.

Представляется, что главная причина краха заговора в том, что лидеры оппозиции в александровской России так и не смогли договориться между собой. Пестеля, например, многие заговорщики боялись гораздо больше, чем государя императора.

Так, в 1824 г. не по вине Пестеля закончились провалом так называемые «объединительные совещания» – попытка лидера Южного общества договориться с северянами о совместных действиях. В ходе этих совещаний Пестелю открыто предъявили обвинение в бонапартизме. «Главным предметом разговора было Временное Правление, против которого говорили наиболее Трубецкой, а также и Никита Муравьев. Они много горячились, а я все время был хладнокровен до самого конца, как ударил рукою по столу и встал», – показывал Пестель на следствии [25, с. 163]. По показанию же Трубецкого,

перед тем, как хлопнуть дверью, южный лидер заявил: «Стыдно будет тому, кто не доверяет другому и предполагает в другом личные какие виды, что последствие окажет, что таковых видов нет» [27, с. 16].

Рассуждениями о «злодее» Пестеле наполнены и следственные дела, и позднейшие мемуары. Человеком, опасным «для России и для видов общества» называл его К.Ф. Рылеев [26, с. 174]. Подобные высказывания – не редкость и в других следственных делах. «Топивший» Пестеля на следствии Трубецкой не пощадил его и в воспоминаниях. «Образ действий Пестеля возбуждал не любовь к Отечеству, но страсти, с нею не совместимые», – писал он [30, с. 229].

«Антипестелевские» инвективы Трубецкого не были следствием его «демократической» борьбы с «авторитарным» Пестелем. Речь шла о том, кто – Пестель или сам Трубецкой – в случае победы возглавят Россию.

Впрочем, и сам Трубецкой абсолютным уважением среди участников заговора не пользовался. Организаторам восстания на Сенатской площади импонировали не взгляды и образ действий князя, а «густые эполеты» гвардейского полковника и высокие должности, которые занимал Трубецкой в армейской иерархии. Так, согласно показаниям Трубецкого, К.Ф. Рылеев был убежден: для дела восстания князь был «непреренно нужен», «ибо нужно имя, которое бы ободрило». При избрании же князя диктатором Рылеев еще раз повторил ему, что его «имя» «необходимо нужно» для успеха революции [27, с. 6, 19].

«Кукольной комедией» назвал избрание Трубецкого диктатором ближайший друг Рылеева А.А. Бестужев [20, с. 443]. Участник событий П.Н. Свистунов размышлял в мемуарах: «Рылеев, будучи в отставке, не мог перед войском показаться в мундире: нужны были если не генеральские эполеты, которых налицо тогда не оказалось, то по меньшей мере полковничьи» [18, с. 171]. Неудавшийся же царевич П.Г. Каховский и вовсе предполагал, что диктатор был «игрушкой тщеславия Рылеева» [23, с. 347].

Трубецкой тоже не верил Рылееву – и не открывал ему своих планов.

Между тем и у Пестеля, и у Трубецкого, и у Рылеева существовали прочные связи с армейской верхушкой и высшими чиновниками, недовольными российскими порядками и желавшими перемен. И если бы накануне восстания заговорщикам удалось договориться, история России могла бы пойти совершенно по другому пути.

* * *

Исследователи часто повторяют фразу В.О. Ключевского о том, что восстание на Сенатской площади – «историческая случайность, обросшая литературой». Сам историк относился к декабристам более чем прохладно: «Нет

надобности приписывать этому движению особенно важные последствия», «как заговор 14 декабря было задумано неосторожно до легкомыслия, подготовлено гимназически оплошно и исполнено совсем неумело» [15, с. 218; 8, с. 220, 235, 428].

Ключевский прав: декабристы – это локальный эпизод отечественной истории. Они не сумели решить тех задач, которые перед собою поставили, не сумели договориться о совместных действиях, проиграли и в военном столкновении с властью.

В 1825 г. декабристы проиграли – этот факт бесспорен. И далеко не все современники сочувствовали проигравшим. Так, отец самого молодого из повешенных в 1826 г., М.П. Бестужева-Рюмина, узнав о казни сына, заявил: «Собаке собачья смерть» [1, с. 207]. А поэт Ф.И. Тютчев написал о том, как декабристов российское самовластье сначала «развратило», а затем «поразило» мечом: «Народ, чуждаясь вероломства, / Поносит ваши имена – / И ваша память от потомства, / Как труп в земле, схоронена» [32].

«Народные» оценки были еще более категоричными: «Начали бар вешать и ссылать на каторгу, жаль, что всех не перевесили, да хоть бы одного кнутом отодрали и с нами поравняли» [13, с. 38–39].

Но спустя несколько десятилетий А.И. Герцен впервые сформулировал российский миф о декабристах. Имея в виду Николая I, Герцен утверждал: «Этот тупой тиран не понял, что именно таким образом виселицу превращают в крест, пред которым склоняются целые поколения» [3, с. 143].

С 1860-х годов каждое поколение оппозиционных власти мыслящих россиян так или иначе соотносило себя с декабристами. Современный исследователь С.Е. Эрлих справедливо утверждает: «Созданный Герценом миф о декабристах нацелен на свержение неподотчетной обществу “самодержавной” власти. В самые свободные времена нашей истории шансы на смену режима законными средствами оставались призрачными. Поэтому герои 14 декабря редко исчезали с авансцены памяти»; «вся оппозиция царизму... воспитывалась на герценовском мифе противоборства с драконом самодержавия» [33, с. 40]. Для Эрлиха декабристы – это «метафора» российского мятежа против власти.

Не исключение в этом смысле и шедшие к власти большевики. В.И. Ленин утверждал, что «декабристы и Герцен» были основателями революционной традиции, завершившейся им и его соратниками как выразителями интересов пролетариата [10, с. 255; 9, с. 93]. В подобном ключе можно было рассуждать еще и в середине 1920-х годов. Именно тогда Л.Д. Троцкий говорил, что «декабристы были первой попыткой дворянской интеллигенции, приобщившейся к историкам Великой Французской революции, дать царизму отпор и пробить окно в Европу» [29, с. 105]. Однако с конца 1920-х годов, когда революционные лозунги оказались снятыми с повестки дня, а в СССР

наступила сталинская «стабильность», официальная пропаганда перестала эксплуатировать этот миф.

Ситуация поменялась лишь после смерти И.В. Сталина в 1953 г., когда рассуждения о декабристах – предтечах большевиков вновь стали возможными. Вместе с этими рассуждениями возродился и миф о декабристах. Используя его, «фрондирующие авторы из творческих союзов и Академии наук» начали «тиражировать крамолу эзоповым языком» [33, с. 40].

И у тех, кто профессионально занимался декабристами, при всем разнообразии методов и подходов к этому событию, безусловно, много общего. Все они – от Пыпина до Эйдельмана – так или иначе были настроены оппозиционно. Не исключение здесь даже Нечкина. Для середины 1950-х годов ее двухтомник был смелым новаторским исследованием, вернувшим – после многих лет замалчивания – тему декабристов в сферу общественного интереса.

Движение декабристов как реальное событие в русской истории – мимолетный факт, почти не оставивший следов в последующем развитии России. Однако миф о декабристах, который, по-видимому, еще долго будет существовать в сознании отечественной интеллигенции, вполне может превратить это маленькое событие в броделевское «longue durée», «долгий период» в истории России.

Библиография

1. Бестужев-Рюмин К.Н. Письмо к Л.Н. Толстому о декабристе М.П. Бестужеве-Рюмине // Декабристы и их время. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. Т. 1. С. 206–209.
2. Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. М.: Реалии-Пресс, 2003. 656 с.
3. Герцен А.И. Русский заговор 1825 года // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 13. С. 111–145.
4. Готовцева А.Г., Киянская О.И. «Человек, заслуживающий доверия»: Князь Сергей Трубецкой в заговоре и на службе // Россия XXI. 2011. № 12. С. 106–139.
5. Его Императорскому Величеству высочайше учрежденной Комиссии для изыскания о злоумышленных обществах всеподданнейший доклад // Восстание декабристов. Документы и материалы. Т. 17. М.: Наука, 1980. С. 24–61.
6. Киянская О.И. Декабристы как гипотеза // Источниковедение культуры: Альманах. М.: РГГУ, 2010. Вып. 2. С. 425–439.
7. Киянская О.И. Декабристы. М.: Молодая гвардия, 2017. 2-е изд. 384 с.
8. Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 5. 479 с.
9. Ленин В.И. Из прошлого рабочей печати в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Изд. 5-е. М.: Изд-во полит. литературы, 1969. Т. 25. С.93–101.
10. Ленин В.И. Памяти Герцена // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Изд. 5-е. М.: Изд-во полит. литературы, 1968. Т. 21. С.255–262.
11. Лернер Н.О. Ad Decabrustiana // Бунт декабристов. Юбилейный сборник. 1825–1925 / Под редакцией Ю.Г. Оксмана и П.Е. Щеголева. Л.: Былое, 1926. С. 398–399.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

12. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX века). СПб.: Искусство-СПб., 1994. С.331–384.
13. Модзалевский Б.Л. Донесение тайного агента о настроении умов в Петербурге после казни декабристов // Декабристы: Неизд. мат. и статьи. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. С. 37–43.
14. Некрасов Н.А. Русские женщины // Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л.: Наука, 1982. Т. 4. С. 123–186.
15. Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М.: Наука, 1974. 640 с.
16. Нечкина М.В. Движение декабристов. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. 482 с.
17. Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб.: Академический проект, 2001. 560 с.
18. Свистунов П.Н. Сочинения и письма. Иркутск: Мемориальный музей декабристов, 2002. 416 с.
19. Следственное дело Г.С. Батенькова // Восстание декабристов. Документы и материалы. М.: Наука, 1976. Т. 14. С. 29–145.
20. Следственное дело А.А. Бестужева // Восстание декабристов. Документы и материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 1. С. 423–473.
21. Следственное дело М.А. Бестужева // Восстание декабристов. Документы и материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 1. С. 475–494.
22. Следственное дело М.П. Бестужева-Рюмина // Восстание декабристов. Документы и материалы. М.; Л.: Госиздат, 1950. Т. 9. С.26–176.
23. Следственное дело П.Г. Каховского // Восстание декабристов. Документы и материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 1. С. 333–389.
24. Следственное дело Е.П. Оболенского // Восстание декабристов. Документы и материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 1. С. 219–286.
25. Следственное дело П.И. Пестеля // Восстание декабристов. Документы и материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 1–226.
26. Следственное дело К.Ф. Рыльева // Восстание декабристов. Документы и материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 1. С. 147–218.
27. Следственное дело С.П. Трубецкого // Восстание декабристов. Документы и материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 1. С. 1–145.
28. Следственное дело Д.А. Щепина-Ростовского // Восстание декабристов. Документы и материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 1. С. 391–421.
29. Троицкий Л.Д. Наша первая революция. Часть II // Троицкий Л.Д. Сочинения. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 2. Ч. 2. 549 с.
30. Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1983. Т. 1. 416 с.
31. Тургенев Н.И. Россия и русские. М.: ОГИ, 2001. 744 с.
32. Тютчев Ф.И. 14 декабря 1825 г. («Вас развратило Самовластье...») // Тютчев Ф.И. Лирика. М.: Наука, 1966. Т. 2. С. 58 (Лит. памятники).
33. Эрлих С.Е. Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий. СПб.; М.: Нестор-История, 2016. 552 с.

References

- Bestuzhev-Rjumin K.N. Pis'mo k L.N. Tolstomu o dekabriste M.P. Bestuzheve-Rjumine // Dekabristy i ih vremja. Moscow: Izd-vo Vsesojuznogo obshhestva politkatorzhan i ssyl'noposelencev, 1928. T. 1. P. 206–209.
- Bokova V.M. Jepoha tajnyh obshhestv. Moscow: Realii-Press, 2003. 656 p.
- Jerlih S.E. Vojna mifov. Pamjat' o dekabristah na rubezhe tysjacheletij. Saint-Petersburg: Moscow: Nestor-Istorija, 2016. 552 p.
- Ego imperatorskomu velichestvu vysochajshe uchrezhdennoj Komissii dlja izyskanija o zlomyshlennyh obshhestvah vsepoddannejsij doklad // Vosstanie dekabristov. Dokumenty i materialy. T. 17. Moscow: Nauka, 1980. P. 24–61.
- Gercen A.I. Russkij zagovor 1825 goda // Gercen A.I. Sobr. soch.: V 30 t. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1958. T. 13. P. 111–145.
- Gotovceva A.G., Kijanskaja O.I. «Chelovek, zaslužhivajushhij doverija»: Knjaz' Sergej Trubeckoj v zagovore i na služhbe // Russia XXI. 2011. N 12. P. 106–139.
- Kiyanskaya O.I. Dekabristy kak gipoteza // Istochnikovedenie kul'tury: Al'manah. Moscow: RGGU, 2010. Vyp. 2. P. 425–439.
- Kiyanskaya O.I. The Decembrists. Moscow: Molodaja gvardija, 2017. 2-e izd. 384 p.
- Ključevskij V.O. Kurs russkoj istorii // Ključevskij V.O. Soch.: V 9 t. Moscow: Mysl', 1989. T. 5. 479 p.
- Lenin V.I. Iz proshlogo rabochej pečhati v Rossii // Lenin V.I. Poln. sobr. soch.: V 55 t. Izd. 5-e. Moscow: Izd-vo polit. literatury, 1969. T. 25. P. 93–101.
- Lenin V.I. Pamjati Gercena // Lenin V.I. Poln. sobr. soch.: V 55 t. Izd. 5-e. Moscow: Izd-vo polit. literatury, 1968. T. 21. P. 255–262.
- Lerner N.O. Ad Decabrustiana // Bunt dekabristov. Jubilejnyj sbornik. 1825–1925 / Pod redakcij Ju.G. Oksmana i P.E. Shhegoleva. Leningrad: Byloe, 1926. P. 398–399.
- Lotman Ju.M. Dekabrist v povsednevnoj zhizni // Lotman Ju.M. Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII – nachala XIX veka). Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPb., 1994. P. 331–384.
- Modzalevskij B.L. Donesenie tajnogo agenta o nastroenii umov v Peterburge posle kazni dekabristov // Dekabristy: neizd. mat. i stat'i. Moscow: Izd-vo Vsesojuznogo obshhestva politkatorzhan i ssyl'noposelencev, 1925. P. 37–43.
- Nechkina M.V. Dvizhenie dekabristov. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1955. T. 1. 482 p.
- Nechkina M.V. Vasilij Osipovich Ključevskij. Istorija zhizni i tvorčestva. Moscow: Nauka, 1974. 640 p.
- Nekrasov N.A. Russkie zhenshhiny // Nekrasov N.A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 15 t. Leningrad: Nauka, 1982. T. 4. P. 123–186.
- Pypin A.N. Obshhestvennoe dvizhenie v Rossii pri Aleksandre I. Saint-Petersburg: Akademicheskij proekt, 2001. 560 p.
- Sledstvennoe delo A.A. Bestuzheva // Vosstanie dekabristov. Dokumenty i materialy. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1925. T. 1. P. 423–473.
- Sledstvennoe delo D.A. Shepin-Rostovskogo // Vosstanie dekabristov. Dokumenty i materialy. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1925. T. 1. P. 391–421.
- Sledstvennoe delo E.P. Obolenskogo // Vosstanie dekabristov. Dokumenty i materialy. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1925. T. 1. P. 219–286.
- Sledstvennoe delo G.S. Baten'kova // Vosstanie dekabristov. Dokumenty i materialy. Moscow: Nauka, 1976. T. 14. P. 29–145.
- Sledstvennoe delo K.F. Ryleeva // Vosstanie dekabristov. Dokumenty i materialy. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1925. T. 1. P. 147–218.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

- Sledstvennoe delo M.A. Bestuzhev // Vosstanie dekabristov. Dokumenty i materialy. Moscow; Letningrad: Gosizdat, 1925. T. 1. P. 475–494.
- Sledstvennoe delo M.P. Bestuzheva-Rjumina // Vosstanie dekabristov. Dokumenty i materialy. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1950. T. 9. P. 26–176.
- Sledstvennoe delo P.G. Kahovskogo // Vosstanie dekabristov. Dokumenty i materialy. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1925. T. 1. P. 333–389.
- Sledstvennoe delo P.I. Pestel'a // Vosstanie dekabristov. Dokumenty i materialy. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1927. T. 4. P. 1–226.
- Sledstvennoe delo S.P. Trubeckogo // Vosstanie dekabristov. Dokumenty i materialy. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1925. T. 1. P. 1–145.
- Svistunov P.N. Sochinenija i pis'ma. Irkutsk: Memorial'nyj muzej dekabristov, 2002. 416 p.
- Tjutchev F.I. 14 dekabnja 1825 («Vas razvratilo Samovlast'e...») // Tjutchev F.I. Lirika. Moscow: Nauka, 1966. T. 2. P. 58 (Lit. pamjatniki).
- Trockij L.D. Nasha pervaja revoljucija. Chast' II. // Trockij L.D. Sochinenija. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1927. T. 2. Ch. 2. 549 p.
- Trubeckoj S.P. Materialy o zhizni i revoljucionnoj dejatel'nosti. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1983. T. 1. 416 p.
- Turgenev N.I. Russia and Russian. Moscow: OGI, 2001. 744 p.